

СССР в борьбе за мир и коллективную безопасность на Балканах (январь-ноябрь 1936)

Внешняя политика СССР на Балканах в 30-е гг. исследована в исторической литературе недостаточно. Между тем ее глубокое изучение имеет не только научное, но и большое практическое значение, помогая и в современных условиях успешнее бороться с агрессивной политикой империализма. Непрерывающаяся деятельность буржуазных фальсификаторов также требует от историков-марксистов освещения предыстории второй мировой войны с подлинно научных позиций.

В 1936 г. в результате агрессивных действий фашистских держав международная обстановка продолжала осложняться. В Лондоне, Париже, Вашингтоне вместо эффективного противодействия фашистским агрессорам строили планы, целью которых было направить агрессию на восток, против СССР. В сложных условиях Советский Союз вел последовательную борьбу за обуздание фашистских агрессоров коллективными усилиями всех стран, заинтересованных в сохранении мира.

В 1936 г. Советское правительство продолжало вести начатые в 1935 г. переговоры с Румынией и Турцией о заключении с этими странами пактов о взаимной помощи [1]. Однако по мере активизации политики попустительства фашистской агрессии, проводимой западными державами, усиливалось сопротивление противников румыно-советского и турецко-советского сближения.

В январе 1936 г. в Берлин прибыл румынский реакционный политический деятель Г. Братиану. Берлинский университет пригласил его прочитать лекцию на тему «Бисмарк и Ион Братиану». Пребывание Г. Братиану в Берлине было использовано германским правительством для того, чтобы через него повлиять на политическую ориентацию Румынии. Румынский гость был принят Герингом, Нейратом и руководителем политического отдела МИД Ренте-Финком. Гитлеровский министр иностранных дел заверил его, что Германия не поддержит венгерских территориальных претензий к Румынии. Это заявление, сказал в ответ Братиану, окажет ему большую поддержку в «борьбе против русско-румынского союза» [2. № 514. Р. 1028]. Болгарский посланник в Бухаресте доносил в Софию, что переговоры германских представителей с Братиану являются «новым ходом в условиях Германии и Польши провалить подписание румыно-советского пакта» [3. Оп. 6. А. е. 2760. Л. 35—36].

В свою очередь румынская газета «Адевэрул» отмечала, что основной целью германских и румынских противников сотрудничества между Советским Союзом и Румынией является саботаж создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе с участием СССР [4. 1936. 30. Jan].

Попытки установить румыно-советское сотрудничество в деле защиты мира были встречены с глубоким недовольством в фашистской Италии. В начале 1936 г. Н. Титулеску предложил привлечь к защите Австрии Советский Союз. Это вызвало раздражение в Риме. Германская печать не преминула использовать это и принялась твердить о «советском проникновении в сферу интересов Италии» [3. Оп. 6. А. е. 2760. Л. 52].

Негативную позицию в отношении сотрудничества с СССР в интересах мира продолжало занимать правительство Югославии. 18 декабря 1935 г. Стоядинович заявил германскому посланнику в Белграде Герэну, что намерен добиваться взаимопонимания со всеми европейскими державами, «за исключением России». Стоядинович заверил Герэна в том, что югославское правительство не предпримет ничего, что было бы направлено против Германии [5]. Серьезное охлаждение наступило в отношениях между Югославией и Францией. В конце декабря МИД Югославии сообщил своим представителям за рубежом, что франко-югославские отношения ухудшились и «находятся в стадии брожения» [6. С. 52].

По-прежнему негативное воздействие на развитие советско-румынских переговоров оказывала задержка Парижем ратификации пакта о взаимопомощи с СССР. К этому времени правительство Лавала фактически отказалось от поддержки политики коллективной безопасности [7. С. 226]. В декабре 1935 г. болгарский посланник в Варшаве докладывал в Софию, что французские правящие круги сдержанно относятся к перспективе установления тесного советско-румынского сотрудничества [3. Оп. 6. А. е. 2760. Л. 28].

В угоду внутренней и внешней реакции в январе и феврале 1936 г. Титулеску дважды обращался в Берлин с предложением начать переговоры о заключении румыно-германского политического договора [8. С. 138—139; 9. С. 190]. Больше того, румынский министр иностранных дел заявил, что согласен с внешнеполитической программой «Железной гвардии» и готов придать внешней политике страны прогерманскую ориентацию [10. С. 89].

Двойственность политики румынских правящих кругов проявилась также в стремлении опереться в своих внешнеполитических калькуляциях на Англию. Тесное сотрудничество с Лондоном рассматривалось в Бухаресте как необходимый противовес политике сближения с СССР. Германский посол в Англии Хёш сообщал в Берлин, что Титулеску, будучи в начале 1936 г. в Лондоне, высказался в пользу улучшения англо-ру-

мынских отношений. Англо-румынское взаимопонимание, по мнению Титулеску, будет «более полезно» для Румынии, нежели сближение с Советским Союзом, писал Хёш [2. № 535. Р. 1084]. О желании румынских правящих кругов сблизиться с Англией доносил в Софию в январе 1936 г. и болгарский посланник в Москве Михалчев [3. Оп. 6. А. е. 2743. Л. 9].

Вместе с тем в начале февраля 1936 г. Король подтвердил полномочия Титулеску на ведение переговоров с Советским Союзом [10. S. 230; 2. № 392. Р. 662]. В беседе с генеральным секретарем МИД румынский король заявил, что анализ международной обстановки убедил его в том, что «переговоры о румыно-советском пакте должны быть продолжены» [11. Т. 1. № 156. Р. 226]. Однако в Бухаресте были далеки от поддержки организации системы коллективной безопасности против фашистской агрессии. Румынские правящие круги считали, что в случае необходимости советские войска вступят на территорию Румынии невзирая на позицию румынского правительства. Исходя из этого, Бухарест рассчитывал добиться от СССР гарантий, что советские войска по окончании военных действий покинут территорию Бессарабии [10. S. 231].

Ратификация французским парламентом пакта с СССР несколько улучшила перспективы заключения советско-румынского договора. Последовавшее в результате ремилитаризации гитлеровской Германией Рейнской области серьезное ослабление позиции Франции в Европе также усилило среди румынских правящих кругов желание заручиться поддержкой СССР, на международной арене [2. Vol. 5. № 392. Р. 662; 12. Д. 64. Л. 122]. Твердая позиция Советского Союза в период рейнского кризиса на фоне нерешительности Франции и откровенного попустительства агрессии со стороны Англии произвела большое впечатление в Бухаресте [11. Т. 1. № 452. Р. 584].

По сведениям из чехословацких источников, Титулеску в марте 1936 г. в беседе с М. С. Островским вновь поднял вопрос о своем намерении посетить Москву [13. S. 136].

16 марта германский временный поверенный в делах в Бухаресте с тревогой сообщил в Берлин, что советско-румынские переговоры прогрессируют. 9 марта коронный совет дал согласие на перелет советских военных самолетов через Буковину. Германский дипломат также сообщал, что румынские власти ведут работы по обеспечению транспортировки советских военных материалов через румынскую территорию [14. S. 45—46; 3. Оп. 6. А. е. 2760. Л. 50]. Вместе с тем правящие круги Румынии не оставляли попыток закрепить свое господство в Бессарабии. Позиция Бухареста по бессарабскому вопросу является главным препятствием на пути к заключению советско-румынского договора, сообщал в Софию 4 апреля 1936 г. болгарский посланник в Москве Н. Антонов [3. Оп. 6. А. е. 2760. Л. 38].

Активизация советско-румынских переговоров вызвала но-

вую волну ожесточенного сопротивления со стороны противников румыно-советского сотрудничества. Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе доносил в Париж, что слухи о предстоящем в скором времени заключении советско-румынского договора крайне встревожили германское правительство. «Это, вне всякого сомнения, тема, которая более всего занимает третий рейх» [11. Т. 1. № 180. Р. 258], — писал посол.

В конце мая 1936 г. польское правительство недвусмысленно дало понять румынским представителям, что немедленно расторгнет соглашение о сотрудничестве между польским и румынским генштабами, если Румыния заключит пакт с Советским Союзом [12. Д. 10. Л. 252]. Польский посланник в Бухаресте Арцишевский 5 апреля 1936 г. заявил своему венгерскому коллеге, что «правительство Польши готово заплатить любую цену», чтобы торпедировать политику коллективной безопасности, осуществляемую СССР [15. Köt. 2. № 9. Old. 107—109].

По-прежнему враждебно к сотрудничеству с Советским Союзом относились правящие круги страны — союзницы Румынии по Малой и Балканской Антантам — Югославии. 10 марта 1936 г. югославский посланник в Берлине посетил Нейрата и заверил его, что отрицательная позиция Югославии по отношению к СССР не изменилась [16. S. 324]. Подобные же заверения дал германскому военному атташе в Белграде и принц-регент Павел [3. Оп. 7. А. е. 266. Л. 51].

Весной 1936 г. профашистские круги в Румынии развернули шумную антисоветскую кампанию. Видный деятель национал-царанистской партии В. Маджару, выступая 4 мая на митинге в Плоешти, отметил, что правые партии и группировки — за сотрудничество с фашистскими державами в международных делах. В этой связи Маджару подверг критике деятельность правительства Татареску, которое фактически покровительствует этой кампании, финансируемой из-за рубежа [3. Оп. 6. А. е. 2500. Л. 15—27].

Временный поверенный в делах СССР в Бухаресте Б. Виноградов в беседе с заместителем румынского министра иностранных дел Радулеску в апреле 1936 г. указал, что в Румынии развращается разнузданная гитлеровская пропаганда, поддерживаемая правительственными органами. «Гитлеровцы имеют свою партийную организацию, возглавляемую гаулейтером, присланным из Берлина. Издающийся в Бухаресте «Тагеблат» является не чем иным как филиалом «Фелькишер беобахтер»... — подчеркнул Виноградов, — ...под флагом перемены румынской внутренней политики на самом деле подготавливается перемена внешнеполитической ориентации» [1. Т. 19. С. 234—235].

Упорное стремление Титулеску использовать сближение с Советским Союзом для закрепления румынского господства в Бессарабии, сопротивление реакционных кругов внутри страны

и за рубежом привели к очередному застою в советско-румынских переговорах. Однако последовавший в конце мая — начале июня 1936 г. визит представителей венгерского военного командования в Германию [15. Köt. 1. № 102. Old. 210—213] вновь выдвинул на первый план в политической жизни Румынии вопрос о заключении договора о взаимной помощи с СССР.

По сведениям из австрийских источников, Титулеску и Бенеш в мае 1936 г. достигли соглашения, в силу которого Румыния обещала в случае возникновения «военной угрозы» в Центральной Европе открыть свое воздушное пространство для перелета советских военных самолетов в Чехословакию. Было условлено, что соглашение будет подписано на совещании глав государств Малой Антанты, намеченном на июнь. Однако намерение Титулеску и Бенеша заручиться поддержкой СССР против фашистской агрессии вызвало отрицательную реакцию в Белграде. Принц-регент Павел даже решил не участвовать в совещании глав государств Малой Антанты. Титулеску пришлось совершить воздушное путешествие в Белград, чтобы убедить регента отказаться от своего намерения [12. Д. 10. Л. 249—252]. Тем не менее обструкционистская позиция Югославии обусловила срыв заключения румыно-советского соглашения.

Идея сотрудничества с СССР была подвергнута обсуждению на совещании глав государств Малой Антанты, состоявшемся 6—8 июня 1936 г. в Бухаресте. Кароль ответил согласием на предложение Титулеску продолжить переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о взаимной помощи. Чехословакии была адресована просьба подготовить почву для визита Титулеску в Москву [10. S. 232]. Однако непременным условием заключения пакта с СССР по-прежнему оставалось признание Советским Союзом Бессарабии румынской территорией [3. Оп. 6. А. е. 2760. Л. 64].

Участники совещания пришли к выводу о необходимости согласовать политику Малой Антанты с Францией и Англией. В случае же разногласий между ними было решено поддержать позицию Англии [17. № 456. Р. 769].

Принц-регент Павел вновь подтвердил нежелание югославского правительства признать СССР, утверждая, что это привело бы к усилению коммунистической пропаганды в Югославии [11. Т. 2. № 295. Р. 453]. Все же главы стран Малой Антанты приняли решение о расширении сети стратегических железных дорог, в том числе в Трансильвании и Буковине. Эти дороги могли быть использованы для установления связи между Советским Союзом и Чехословакией через румынскую территорию.

Состоявшиеся во второй половине июня 1936 г. в Бухаресте переговоры представителей генштабов чехословацкой, румынской и югославской армий подтвердили, что центробежные тенденции в лагере стран Малой Антанты продолжают усили-

ваться. Проблема роста военной угрозы со стороны Германии не обсуждалась. Совещание ограничилось рекомендацией правительствам трех стран заключить пакт о военном сотрудничестве с Францией. Показательно, что военные представители Малой Антанты вообще не рассматривали вопрос о сотрудничестве с Красной Армией, хотя Чехословакия имела союзный договор с СССР, а Румыния вела с ним переговоры о заключении пакта о взаимной помощи [11. Т. 2. № 365. Р. 545—551; 2. Vol. 5. № 432. Р. 736].

Распространившиеся в дипломатических кругах слухи о происшедшем будто бы изменении позиции румынских правящих кругов в пользу поддержки коллективной безопасности [14. S. 48] заставили германское правительство предпринять очередной демарш в Бухаресте. По указанию Нейрата 27 июня 1936 г. германский посланник заявил Каролю и Титулеску, что заключение Румынией пакта с СССР нанесет непоправимый урон германо-румынским отношениям [15. Köt. 2. № 26. Old. 135—138; 18. Т. 2. S. 234—235].

Выяснилось также, что пришедшее к власти во Франции правительство Народного фронта во главе с правым социалистом Л. Блюмом не является сторонником советско-румынского сотрудничества. Это недвусмысленно дал понять заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембеку французский посол в Варшаве Л. Ноэль [18. Т. 2. S. 234—235]. Серьезные опасения по поводу «расширения влияния Советского Союза в Центральной Европе» выразил в беседе с французским посланником в Праге и чехословацкий министр иностранных дел К. Крофта [11. Т. 2. № 150. Р. 132].

В этих условиях советско-румынские переговоры вновь оказались в состоянии застоя и были возобновлены лишь на конференции по пересмотру режима проливов в Монтре.

Между тем в Румынии продолжалась активизация ультраправых сил. Победа Народного фронта во Франции была с тревогой встречена румынской буржуазией. Пользуясь попустительством со стороны короля и правительства Татареску, реакционные круги, под предлогом борьбы с «коммунистической опасностью», раздували кампанию за открытый переход на профашистские позиции. Кодряну, Гога, Братиану, Вайда-Воевод требовали немедленного увольнения Титулеску с поста министра иностранных дел, прекращения переговоров с Советским Союзом и ориентации страны на Германию [19. S. 124]. По поводу внутривнутриполитических событий в Румынии французская газета «Ажанс экономи э'финансьер» в статье, озаглавленной «Доктор Геббельс пустил в ход своих людей в Бухаресте», писала: «Речь идет о политике, имеющей целью насильственное устранение тягостного препятствия, стоящего на пути к союзу с третьим рейхом» [19. S. 125].

Как сообщал в Софию болгарский посланник в Бухаресте,

советские представители неоднократно обращали внимание румынского правительства на необходимость принятия решительных мер против беспримерного разгула профашистских элементов [3. Оп. 6. А. е. 2500. Л. 29]. Перспектива отхода Румынии от ориентации на Францию вызвала беспокойство в Париже. Французский министр иностранных дел Дельбос дал понять Титулеску, что Франция может прекратить поставки вооружения румынской армии, если профашистская пропаганда будет продолжаться [3. Оп. 6. А. е. 2500. Л. 29].

Но попытки Титулеску воздействовать на внутривластическое развитие страны результата не давали. В июле 1936 г. его положение стало критическим. Кароль и Татареску готовились изгнать Титулеску из правительства [3. Оп. 6. А. е. 2500. Л. 28].

9 июля 1936 г. польская миссия в Бухаресте доносила в Варшаву, что кризис по вопросу о министре иностранных дел открыт и что «за кулисами» изучаются различные проекты его замены [20. С. 66]. Враждебное отношение короля к Титулеску усилилось после того, как он получил сведения из Парижа, что тот тормозит предоставление Францией займа Румынии в надежде, что скоро кабинет Татареску падет, правительство сформируют национал-царанисты, которые и получают французский заем [3. Оп. 6. А. е. 2743. Л. 52]. В начале июля 1936 г. Кароль сказал итальянскому посланнику в Бухаресте, что проводимая Титулеску политика является его личной политикой. Он недвусмысленно дал понять, что намерен вскоре уволить Титулеску в отставку. Новый министр иностранных дел будет проводить «национальную румынскую политику», ориентированную на фашистские державы, подчеркнул Кароль [3. Оп. 6. А. е. 2743. Л. 53].

11 июля Титулеску неожиданно возвратился в Бухарест из Монтре и вручил премьер-министру прошение об отставке. Но Кароль не дал согласия на увольнение Титулеску (на что тот, очевидно, и рассчитывал), так как опасался в тот момент вызвать впечатление смены внешнеполитической ориентации. Этому способствовали возросшие опасения перед усилившейся экспансией гитлеровской Германии в Центральной Европе [12. Д. 40. Л. 25]. 11 июля было заключено германо-австрийское соглашение, которое Геббельс охарактеризовал как пролог к аншлюсу [12. Д. 40. Л. 13]. Позиции Титулеску укрепились также в результате успешного развития переговоров на конференции в Монтре [3. Оп. 6. А. е. 2743. Л. 30—32]. Благодаря принципиальной позиции СССР здесь удалось достигнуть решений, которые в значительной степени отвечали интересам борьбы с агрессией. В Бухаресте учли и то, что устранение Титулеску в тот момент могло отрицательно повлиять на переговоры о поставках оружия румынской армии, которые румынское правительство вело с Чехословакией, а также на переговоры с Францией о предоставлении Румынии займа.

Условия дальнейшего участия в правительстве, выдвинутые Титулеску, были приняты королем и членами кабинета. 14 июля Татареску, министр внутренних дел Инкулец, министр финансов Антонеску и Титулеску подписали документ, в котором были зафиксированы основные направления внешней политики, которым должно было следовать румынское правительство. В документе отмечалось: «Мы являемся противниками коммунизма внутри страны... Но в области внешней политики мы стоим за соглашение с СССР». Только это соглашение, подчеркивалось в документе, может придать эффективность союзам Румынии с Францией, Чехословакии с Турцией. «Мы не можем быть одновременно союзником Франции и недругом России, ее союзницы» [17. № 470. Р. 796]. Было решено прекратить нападки в печати на СССР и начать публикацию статей в пользу соглашения с Советским Союзом. Деятели правящей национал-либеральной партии должны были предпринять ряд публичных выступлений в защиту политики сближения с СССР. Были также подтверждены полномочия Титулеску на ведение переговоров и заключение договора с Советским Союзом [17. № 470. Р. 796—797].

Однако успех Титулеску был иллюзорным. Отставка румынского министра иностранных дел лишь отсрочена, докладывав в Варшаву польский посланник в Бухаресте Арцишевский. Кароль и Татареску убеждены в том, что Титулеску зашел слишком далеко в политике сближения с Советским Союзом, и возлагают на него ответственность за ухудшение отношений Румынии с фашистским блоком. Кароль теперь ищет подходящий предлог, который позволил бы замаскировать факт, что с увольнением Титулеску изменится и внешняя политика Румынии, подчеркивал Арцишевский [10. S. 234—235].

Накануне возвращения в Монтре Титулеску дал интервью газете «Универсул». Он подчеркнул, что сохранению и укреплению дружественных отношений со странами Малой и Балканской Антант, Польшей, Францией и Англией, «с которыми мы всегда согласовывали нашу политику», Румыния придает первостепенное значение. «Наша политика по отношению к Советской России,— сказал далее румынский министр иностранных дел,— обусловлена необходимостью жить в согласии с соседом, который имеет 179 млн населения. Я не коммунист, никогда не разделял это учение. Но считаю, что сближение в области внешней политики с Советской Россией, союзником наших союзников — Франции, Чехословакии и Турции, является наилучшим средством, которое придаст нашим договорам полную силу» [3. Оп. 6. А. е. 2500. Л. 28].

По возвращении в Монтре Титулеску возобновил переговоры с М. М. Литвиновым, в ходе которых было достигнуто соглашение по ряду спорных вопросов [1. Т. 19. С. 455, 564—567].

Заклучить советско-румынский договор, однако, не удалось.

31 августа Кароль уволил находившегося на отдыхе на французской Ривьере Титулеску в отставку. Министерство иностранных дел Румынии возглавил сторонник «нейтралистской» линии во внешней политике В. Антонеску [21. С. 74]. В докладе Гитлеру Папен писал, что новый румынский министр иностранных дел является франкофилом. Однако он будет безоговорочно следовать линии, утвержденной королем [22. Д. 1787. Л. 137].

Первоначально в Бухаресте делали вид, будто намерены продолжать внешнеполитический курс Титулеску и развивать сотрудничество с СССР [1. Т. 19. С. 432—433, 455], но практические шаги румынского правительства на международной арене свидетельствовали об обратном. В октябре 1936 г. советский полпред в Бухаресте М. С. Островский писал в НКВД, что «румыны имеют в виду дать тормоз своим отношениям с Советским Союзом». Полпред сообщал, что определенные круги в Румынии носятся с идеей создания «нейтрального блока» государств Малой Антанты, который «должен поддерживать хорошие отношения как с Германией, так и с Россией, и в особенности не должен делать ничего такого, что могло бы показаться направленным против Германии» [1. Т. 19. С. 776]. В конце сентября 1936 г. были заключены германо-румынские экономические соглашения, предусматривавшие, в частности, поставки румынской нефти в Германию [1. Т. 19. С. 776]. В ноябре румынский посланник в Берлине Комнен в беседе с высокопоставленным немецким генералом заявил, что румынское правительство готово заключить с Германией соглашение о военном сотрудничестве [15. Köt. 2. № 47. Old. 174—175]. Правящие круги Румынии приняли также меры к укреплению антисоветского альянса с Польшей [18. Т. 2. S. 273].

Таким образом, изгнанием Титулеску из правительства закончился период в развитии советско-румынских отношений, когда было достигнуто, несмотря на существовавший территориальный спор, определенное сближение между двумя странами. Сохранить независимость и укрепить свою безопасность Румыния могла только при опоре на Советский Союз — главный оплот мира на земном шаре. Однако начавшиеся в июне 1935 г. советско-румынские переговоры о заключении пакта о взаимной помощи показали, что румынская сторона руководствуется не интересами политики коллективной безопасности, а стремится извлечь корыстные выгоды из сотрудничества с Советским государством и прежде всего добиться отказа СССР от его законного права на Бессарабию. Отказ от сотрудничества с Советским Союзом подрывал международные позиции Румынии и обрекал ее на роль разменной монеты в торге империалистических держав.

* *
*

Новые агрессивные акты фашистских держав, прежде всего ремилитаризация Рейнской области гитлеровской Германией, вызвали серьезную тревогу в Анкаре [3. Оп. 6. А. е. 2820. Л. 10—13]. 26 марта 1936 г. турецкий министр иностранных дел Арас в беседе с М. М. Литвиновым сказал, что «наибольшими врагами мира в Европе являются Германия и Италия». Он выразил опасение по поводу возможного продвижения Германии через Балканы к турецким границам. Арас также уверял М. М. Литвинова, что Турция никогда не поступится дружбой с СССР [1. Т. 19. С. 187]. Однако, вместо активного противодействия агрессии, к чему настойчиво призывал Советский Союз, правящие круги Турции, вслед за Англией и Францией, предпочли занять примиренческую позицию по отношению к гитлеровской Германии. Как писал в одном из донесений в Софию болгарский посланник в Турции, Анкара смотрит на Берлин «сквозь английские очки» [3. Оп. 6. А. е. 2820. Л. 10—13].

11 апреля 1936 г. турецкое правительство официально поставило вопрос об изменении статуса черноморских проливов. Нарастание угрозы развязывания войны в результате агрессивных действий германских и итальянских фашистов привело к необходимости пересмотра Лозаннской конвенции по проливам от 1923 г., которая не учитывала интересов черноморских стран и не была ратифицирована Советским Союзом. СССР первым из заинтересованных стран поддержал предложение Турции пересмотреть Лозаннскую конвенцию с целью привести режим проливов в «соответствие интересам и безопасности Турции и обеспечения мира и спокойствия в этой зоне» [1. Т. 19. С. 231—232].

Английское правительство, долгое время упорно сопротивлявшееся пересмотру режима проливов, на этот раз также выразило поддержку предложению Турции. Согласившись на изменение режима проливов, британская дипломатия надеялась полностью переориентировать турецкую внешнюю политику на Англию. «События, следовавшие после конференции в Монтре, показали,— писал известный турецкий историк А. Ш. Эсмер,— что эти надежды не были пустыми» [23. С. 226].

Вместе с тем, не будучи, видимо, вполне уверенными в том, что на предстоящей конференции удастся добиться благоприятного для Турции статуса проливов, турецкие правящие круги решили вновь прозондировать позиции СССР на предмет заключения советско-турецкого соглашения о взаимопомощи. В телеграмме в НКВД 12 июня 1936 г. советский полпред в Анкаре Л. М. Карахан писал: «Арас сегодня по своей инициативе и в результате совещания с Ататюрком и Иненю вернулся к старому турецкому предложению о заключении соглашения о проливах, сущность которого в том, что в случае угрозы нам или туркам мы помогаем друг другу в защите проливов. Арас подчеркнул, что только такое соглашение с нами сделало бы Тур-

цию твердой и обеспечило бы в проливах режим, который был бы одинаково в интересах обеих сторон» [1. Т. 19. С. 753]. Вместе с тем, прежде чем выдвинуть проект заключения соглашения с СССР, турецкая дипломатия в мае 1936 г. предлагала британскому правительству заключить англо-турецкий договор с обязательствами о взаимной помощи на суше, в воздухе и на море. Но в Лондоне, не желая обострять отношения с Италией, не сочли в то время возможным принять турецкое предложение [3. Оп. 6. А. е. 2820. Л. 25—28].

В связи с начавшейся в Монтре международной конференцией по пересмотру режима проливов в советско-турецких переговорах о заключении двустороннего соглашения о взаимной помощи наступил перерыв. Переговоры в Монтре, однако, показали, что ориентация турецкой внешней политики на Англию принимает все более отчетливые формы. Французские газеты писали, что в Монтре представился случай для второго англо-турецкого медового месяца [23. S. 227]. Под давлением Англии представители Турции отказались от выдвинутого ими же проекта новой конвенции о проливах, который в значительной степени обеспечивал интересы черноморских стран и был поддержан Советским Союзом, в пользу проекта, разработанного Форин-Оффисом. Принятие английского проекта усилило бы напряженность в этом районе земного шара и создало прямую угрозу миру. 5 июля 1936 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Б. Стомоняков в беседе с турецким послом в Москве подчеркнул, что «позиция Турции по вопросу о проливах вызывает много горечи и недовольства в наших общественных и правительственных кругах» [1. Т. 19. С. 350—351]. Лишь благодаря принципиальной позиции СССР конференцией в конечном итоге была принята конвенция о проливах, которая в значительной степени отвечала интересам укрепления мира и безопасности народов Европы [24. С. 195].

Как пишет турецкий историк А. Ш. Эсмер, поведение Анкары в ходе международных переговоров в Монтре свидетельствовало о том, что Турция заняла «четкую проанглийскую позицию» [23. S. 228]. Вместе с тем наступившее после конференции в Монтре по вине турецкой стороны охлаждение в советско-турецких отношениях заметно обеспокоило правящие круги Турции. В планы Анкары на данном этапе не входило намерение окончательно отказаться от сотрудничества с СССР. В конце сентября 1936 г. Арас в беседе с М. М. Литвиновым вернулся вновь к вопросу о заключении советско-турецкого соглашения о взаимопомощи. Он предложил заключить между двумя странами договор, согласно которому Советский Союз должен был оказать помощь Турции, если она подвергнется нападению в Средиземном море. В свою очередь Турция взяла бы обязательство закрыть и защищать проливы в случае агрессии против СССР. 9 октября Арас сделал М. М. Литвинову и другое пред-

ложение — заключить советско-турецкий пакт о взаимной поддержке, который был бы связан с Лондонской конвенцией об определении агрессии [1. Т. 19. С. 769—770, 500—501]. Было установлено обсудить эти предложения в Москве и Анкаре, чтобы затем обменяться письменными вариантами текста приемлемого для обеих сторон соглашения [1. Т. 19. С. 770]. Правительство СССР положительно отнеслось к проекту заключения договора с Турцией, содержащему обязательства взаимной помощи против любых агрессоров. Заключение такого договора позволило бы закрыть путь для агрессии в этом районе земного шара, укрепило безопасность советских и турецких границ. Однако 19 октября 1936 г. турецкий посол в Москве Апайдын заявил М. М. Литвинову о том, что турецкое правительство согласно заключить с СССР только соглашение о взаимной защите Дарданелл и Анатолии против Италии. Советско-турецкий пакт против любого агрессора, откровенно пояснил Апайдын, неприемлем для Турции, так как может повредить ее отношениям с Германией [1. Т. 19. С. 501]. 28 октября Апайдын сообщил М. М. Литвинову о решении турецкого правительства вообще снять свое предложение о заключении какого-либо договора с СССР. Посол утверждал, что конвенция о проливах, принятая на конференции в Монте, в достаточной степени обеспечивает интересы Советского Союза и Турции и поэтому, мол, нет необходимости заключать двустороннее соглашение о взаимной помощи [1. Т. 19. С. 525]. Нарком иностранных дел в ответ напомнил, что турецкое правительство долгое время настаивало на недостаточности существующих отношений между двумя странами и добивалось их договорного оформления. Теперь же правительство Турции заявляет, что советско-турецкие отношения должны остаться такими, какими они были до сих пор. М. М. Литвинов подчеркнул, что считает этот шаг турецкого правительства свидетельством новой ориентации Турции, которая, несомненно, наносит ущерб советско-турецким отношениям [1. Т. 19. С. 526]. 30 октября Арас в беседе с советским полпредом в Анкаре Л. М. Караханом, пытаясь оправдать позицию Турции, уверял последнего, что закрытие проливов в случае агрессии против СССР «является настолько самоочевидным, что не требует оформления документом» [1. Т. 19. С. 529—530]. Арас сказал, что допустил ошибку, неоднократно предлагая СССР заключить пакт о взаимной помощи с Турцией. По его словам, «1937 явится годом выжидания, в течение которого нужно вооружаться и никого не провоцировать» [1. Т. 19. С. 529—530].

Главной причиной, побудившей турецкое правительство отказаться от выдвинутого им же предложения о заключении договора с СССР, был нажим, оказанный на Турцию со стороны Англии. Немалую роль сыграли и опасения турецкой буржуазии перед идеологическим воздействием СССР, особенно уси-

лившиеся после победы народных фронтов в Испании и Франции [25. С. 129—130]: 3 ноября 1936 г. советский полпред в Анкаре Л. М. Карахан заявил премьер-министру Турции, что правительство СССР располагает информацией о том, что по поводу пакта с Советским Союзом Анкара запросила мнение английского правительства и получила совет пакта с СССР не заключать [1. Т. 19. С. 774].

Английские правящие круги опасались усиления влияния Советского Союза в Средиземноморском бассейне, рассматривая это как смертельную угрозу британским империалистическим интересам [26. С. 198; 27. S. 438]. Рассчитывая с помощью Турции защитить свои имперские позиции на Ближнем и Среднем Востоке и воспрепятствовать проникновению туда германских и итальянских конкурентов, Лондон вместе с тем стремился не допустить превращения этой страны в составную часть системы коллективной безопасности против фашистской агрессии. Английское правительство приложило все силы к тому, чтобы сорвать советско-турецкое соглашение. Британские интриги не встретили должного сопротивления в Анкаре. Тем самым в угоду английскому империализму были принесены коренные национальные интересы Турции.

Серьезное беспокойство по поводу возможного присоединения Турции в какой-либо форме к советско-французскому пакту о взаимопомощи испытывали и в Берлине. Турецкие представители поспешили успокоить германское правительство. Корреспонденту германского телеграфного агентства было заявлено, что Турция не поддерживает «франко-русскую систему союзов» [28. S. 390148—390149].

5 ноября 1936 г. Л. М. Карахан сказал турецкому министру иностранных дел Арасу, что считает положение, создавшееся в советско-турецких отношениях по вине турецкой стороны, «тяжелым» [1. Т. 19. С. 540]. М. М. Литвинов в беседе с Апаидыном 7 ноября подчеркнул, что маневры турецкой дипломатии отнюдь не способствуют укреплению мира и международной безопасности. Советское правительство, сказал М. М. Литвинов, не может не беспокоить «передача советско-турецких отношений под контроль Англии» [1. Т. 19. С. 564].

Пытаясь сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное на Советское правительство двойной игрой турецкой дипломатии, президент Турции, выступая 1 ноября 1936 г. в меджлисе, заявил, что Турция будет продолжать курс на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом [29. С. 394]. Об этом же говорил советскому полпреду в Анкаре и глава турецкого правительства И. Иненю [1. Т. 19. С. 567]. Последующие события, однако, показали, что правящие круги Турции все дальше отходили от сотрудничества с СССР, в то время как англо-турецкие отношения продолжали прогрессировать.

Новый отказ турецкого правительства от своей собственной

инициативы в заключении пакта о взаимопомощи с СССР свидетельствовал о том, что реалистические тенденции среди правящих кругов Турции продолжают слабеть. Турецкая дипломатия все в большей степени включалась в орбиту внешней политики Англии, целью которой был сговор с фашистскими агрессорами за счет СССР. Отчетливо выраженная антисоветская направленность международных акций Лондона накладывала негативный отпечаток на внешнеполитический курс Турции, в частности на развитие советско-турецких отношений.

Таким образом, из-за противодействия противников румыно-советского и турецко-советского сближения как в турецких и румынских правящих кругах, так и в стане фашистских агрессоров и их западных покровителей, заключить советско-румынский и советско-турецкий пакты о взаимной помощи против фашистской агрессии не удалось. Это имело пагубные последствия для дела сохранения мира в Европе. В сложных условиях Советский Союз продолжал вести последовательную борьбу против фашистской агрессии, за мир и безопасность народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- ¹ ДВП СССР. М., 1973, 1974. Т. 18—19.
- ² DGFP, 1918—1945. Ser. C., L., 1962—1966. Vol. 4—5.
- ³ ЦДИА. Ф. 176. Оп. 6—7.
- ⁴ Adevărul.
- ⁵ ИДА Ф. 90. Оп. 1. Д. 185.
- ⁶ *Винавер В.* Неуспех тайных югославенско-советских переговоров 1934—1938 године // Сборник за историју. N 3. Нови Сад, 1971.
- ⁷ *Белюсова З. С.* Франция и европейская безопасность, 1929—1939. М., 1976.
- ⁸ *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
- ⁹ *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности, 1932—1939. М., 1977.
- ¹⁰ *Král V.* Spojenectví československo-sovětské v evropské politice, 1935—1939. Pr., 1970.
- ¹¹ DDF, 1932—1939. Sér. 2 (1936—1939). P., 1963—1964. T. 1—2.
- ¹² Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР. Ф. Ж. Документы МИД Австрии.
- ¹³ *Deak L.* K otázke vzťahu Rumunska k SSSR v rokoch 1933—1936 // Slovenske študie. Br., 1966. N 8.
- ¹⁴ *Avramovski Z.* Pitanje sovjetsko-rumunskog pakta, pad Tituleskua i posleđice za Rumunska spoljnopolitičku orijentaciju // Istoria XX veka. Beograd. 1965. Vol. 7.
- ¹⁵ Diplomaciai iratok Magyarorszag külpolitikájához, 1936—1945. Bp., 1962—1965. Köt. 1—2.
- ¹⁶ *Kvacek R.* Nemecka likvidace demilitarisovaného porýnskeho pasma 7 bresna 1936 // Československy časopis historicky. Pr., 1963. N 3.
- ¹⁷ *Titulescu N.* Documente diplomatice. Buc., 1967.
- ¹⁸ *Diariusz i teki J. Szembeka. L., 1964—1965. T. 1—2.*
- ¹⁹ *Неделку Ф.* К вопросу о внешней политике Румынии в период с сентября 1936 г. по декабрь 1937 г. // Revue roum. d'études intern. Buc., 1971. N 1.
- ²⁰ *Нетя В. Н.* Титулеску. Бухарест, 1969.

²¹ Чемпалов И. Н. Германская экспансия на Балканах в 1933—1938 гг. // Учен. зап. Урал. ун-та. Свердловск, 1958. Вып. 25.

²² ЦГАОР СССР. Ф. 7445. Оп. 1.

²³ Esmer A. Ş. Siyasi tarih. Ankara, 1953.

²⁴ Смирнова Н. Д. Средиземноморье и Балканы // Европа в международных отношениях, 1917—1939. М., 1979.

²⁵ Волков В. К. Балканские страны и мюнхенский сговор. М., 1978.

²⁶ Живкова Л. Англия и съветско-турските отношения непосредствено след конференцията в Монтрьо // Известия на Института за история. С., 1972. Т. 22.

²⁷ Stojadinovic M. Ni rat ni pakt. Buenos Aires, 1963.

²⁸ Deutschland. Answärtiges Amt. Archiv. Т — 120 1001/7268.

²⁹ Ататюрк К. Избранные речи и выступления. М., 1966.

В. А. КОКШАРОВ
Уральский университет

Создание и деятельность компании «Бритиш ойл девелопмент» (1928—1936)

История борьбы великих держав, в первую очередь США и Великобритании, за нефть Ближнего Востока получила достаточно полное освещение в советской историографии. В работах А. Санталова, В. Баскина, Р. Боронова, О. Герасимова, А. Фурсенко и др. исследуются различные аспекты конкурентной борьбы крупнейших английских и американских нефтяных компаний за источники сырья, вскрывается тесная связь внешней политики западных держав с интересами своих монополий [1—5].

Вместе с тем вопросы борьбы за рынки сбыта ближневосточной нефти накануне второй мировой войны, характер и методы соперничества между участниками Международного нефтяного картеля (МНК) и так называемыми компаниями-аутсайдерами изучены пока недостаточно как в советской, так и в зарубежной литературе. Особый интерес среди таких аутсайдеров представляет компания «Бритиш ойл девелопмент» (БОД), на разных этапах своего существования включавшая английские, итальянские, германские, франко-швейцарские капиталы. Изучение английской прессы 30—40 гг., британских справочников по нефтяным вопросам тех лет, мемуаров видного фашистского дипломата Ф. Гроббы, ряда других источников позволяет подойти к рассмотрению поставленных проблем через призму деятельности БОД в Ираке в 1928—1936 гг.

Иракская нефть стала предметом острого межимпериалистического соперничества еще в начале XX века. В 1904 г. германское общество «Анатолийских железных дорог», возглавлявшееся «Дойче банком», получило от турецкого султана концессию на постройку Багдадской железной дороги и право на разработку полезных ископаемых в районе Мосула. При этом Тур-